

ПОЧЕМУ Я НЕ КОНСЕРВАТОР¹ *

Фридрих Август фон Хайек²

Искренние друзья свободы во все времена были редки, а своими победами она обязана меньшинствам, которые добивались успеха только вместе с союзниками, часто преследовавшими совсем иные цели; содружество это, в любом случае рискованное, порой оказывалось пагубным, ибо оно давало противникам свободы справедливые основания сопротивляться ее продвижению.

Лорд Эктон

1. Во времена, когда почти все политические движения, слышущие прогрессивными, призывают к дальнейшему наступлению на личную свободу³, ее поборникам приходится составлять оппозицию. Таким образом, они оказываются в одном лагере с теми, кто обычно сопротивляется переменам. Но, хотя позиция, которую я попытался описать, зачастую именуется "консервативной", она кардинально отличается от той, которая традиционно подразумевается под этим термином. Эта омонимическая двусмысленность, объединяющая поборников свободы и настоящих консерваторов под одним знаменем - знаменем оппозиции действиям, которые равно угрожают их идеалам, - весьма опасна. Соответственно, важно четко отличать позицию, которую я опишу ниже, от той, которая долгое время - и возможно, более обоснованно - была известна под названием "консерватизм".

¹ Поводът за публикуването на този класически материал е твърдението, което скоро направи известен български икономист, че Хайек е най-големият консерватор на XX век.

² На английски материалът може да бъде прочетен на адрес: <http://hem.passagen.se/nicb/cons.htm>

³ Это верно уже более столетия. Еще в 1855 году Дж. С. Милль заметил, что "почти все проекты нынешних социальных реформаторов в действительности убийственны для свободы" (см.: Hayek F.A. John Stuart Mill and Harriet Taylor [London; Chicago, 1951]. P. 216).

Консерватизм в строгом смысле слова - это имеющее право на существование, а также, вероятно, необходимое и, безусловно, широко распространенное мировоззрение, характеризующееся неприятием резких перемен. Полтора столетия, со времен Французской революции, оно играло важную роль в политической жизни Европы. Пока социализм не набрал силу, оппозицию этому мировоззрению составлял либерализм. Их противоборство не имеет никаких параллелей в истории США, поскольку то, что в Европе называлось "либерализмом", здесь было общей традицией, послужившей основой для построения американской государственности: итак, по европейским критериям приверженец американской традиции был бы либералом⁴. Эта уже существующая путаница была усугублена недавними попытками пересадить на американскую почву консерватизм европейского типа, который, будучи чужд американской традиции, приобрел здесь несколько странный характер**. За некоторое время до этого американские радикалы и социалисты начали называть себя "либералами". Тем не менее я и далее стану именовать "либеральной" свою собственную позицию, которая, по моему убеждению, отличается от истинного консерватизма не менее сильно, чем от социализма. Однако позвольте мне тут же признаться, что этот эпитет вызывает у меня сомнения, и под конец данной статьи я должен буду рассмотреть вопрос о наиболее уместном названии партии свободы. Дело не только в том, что термин "либерал" в современных США постоянно интерпретируется неверно, но и том, что в Европе господствующее течение рационалистического либерализма уже давно вросло в учение социалистов.

⁴ *Crick B.* The Strange Quest for an American Conservatism // *Review of Politics*. 1955. Vol. XVII. P. 365. Он также справедливо замечает, что "нормальный американец, называющий себя "консерватором", - в действительности либерал". По-видимому, нежелание подобных консерваторов использовать более адекватное самоназвание возникло лишь во времена "Нового курса" по той причине, что этим словом тогда злоупотребляли.

Позвольте мне теперь высказать аргумент, который мне представляется главным возражением против любой разновидности консерватизма, по праву носящего свое название. Мой аргумент состоит в том, что консерватизм по самой своей природе не может предложить никакой альтернативы текущему направлению нашего движения. В порядке противодействия современным тенденциям он может успешно замедлять нежелательные процессы, но поскольку иного направления он не указывает, то и прервать их не может. По этой причине консерватизму неизбежно суждено поневоле влачиться по пути, навязанному ему извне. Перетягивание каната командами консерваторов и прогрессистов может влиять только на темп, но не на направление текущего развития. Я лично признаю необходимость "тормоза на локомотиве прогресса"⁵, но не могу удовлетвориться тем, чтобы просто помогать нажимать на этот тормоз. Либерал должен начать с вопроса: "Куда мы должны ехать?", а не: "Как быстро?" или: "Насколько далеко?". На деле либерал отличается от сегодняшнего радикала-коллективиста намного больше, чем консерватор. Между тем как последний обычно придерживается всего лишь умеренной и мягкой версии предубеждений своего времени, сегодняшний либерал обязан весьма резко оспаривать ряд фундаментальных принципов, роднящих большинство консерваторов с социалистами.

2. Традиционное описание взаиморасположения трех партий скорее затемняет, чем проясняет их подлинные взаимоотношения. Обычно их изображают как разные точки на одной линии: социалисты слева, консерваторы справа, а либералы где-то в середине. Но эта картина ничуть не соответствует действительности. Если уж нужна диаграмма, уместнее было бы начертить треугольник, где одна вершина принадлежит консерваторам, ко второй тянут социалисты, а к третьей либералы. Но,

⁵ Как выразился Р.Дж. Коллингвуд в "Новом Левиафане" (*Collingwood R.G. The New Leviathan. Oxford: Oxford University Press, 1942. P. 209*).

поскольку социалистам долгое время удавалось тянуть сильнее, консерваторы предпочли последовать в социалистическом, а не в либеральном направлении и время от времени принимали идеи, обязанные своей авторитетностью радикальной пропаганде. Именно консерваторы регулярно шли на компромиссы с социализмом и воровали его громы и молнии. Не имеющие собственных целей приверженцы "Среднего пути"⁶, консерваторы руководствовались убеждением, что истина должна находиться где-то между двумя крайностями, - а потому меняли свою позицию всякий раз, как только на любом из флангов возникало более экстремистское движение.

Таким образом, позиция, которую в любое время можно обоснованно называть консервативной, зависит от направления текущих тенденций. Поскольку в последние десятилетия общее развитие происходило в социалистическом направлении, может показаться, что и консерваторы, и либералы прежде всего старались замедлить эту тенденцию. Но главная черта либерализма - как раз и состоит в его стремлении двигаться, а не находиться в застывшем состоянии. Правда, в наше время, возможно, на сей счет создается противоположное впечатление - ибо в прошлом либерализм имел более широкую поддержку, а некоторые из его целей - были ближе к осуществлению. И все же он никогда не был доктриной, обращенной вспять. История не знает случаев, когда либеральные идеалы были бы полностью воплощены в жизнь: либерализм никогда не останавливался на достигнутом, а смотрел вперед, стремясь к дальнейшему совершенствованию институтов. Либерализм не чуждается эволюции и перемен; там, где государственный контроль душит спонтанные перемены, он ратует за значительные политические

⁶ Симптоматично, что нынешний [консервативный] премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан выбрал это название для своей программной книги (*Macmillan H. The Middle Way*. London, 1938).

изменения. В сегодняшнем мире в том, что касается правительственной политики, у либерала почти нет резонанса желать сохранения существующего порядка вещей. Более того, либералу должно казаться, что большинство регионов мира острее всего нуждается в основательной расчистке пути свободного роста от многочисленных препятствий.

Это различие между либерализмом и консерватизмом не должно затемняться тем фактом, что в США еще возможно защищать личную свободу, защищая традиционные институты. Либерал ценит их в основном не за долгую историю или принадлежность к американской традиции, но потому, что они соответствуют исповедуемым им идеалам.

3. Прежде чем я рассмотрю основные пункты, по которым либеральная позиция радикально противоречит консервативной, мне следует подчеркнуть, что либерал мог бы вынести много полезного для себя из работ ряда консервативных мыслителей. Их благоговейному исследованию значимости развитых институтов мы обязаны (по крайней мере, вне экономической сферы) рядом глубоких мыслей, которые, несомненно, помогли нам осмыслить природу свободного общества. Какими бы реакционерами ни показали себя в политике такие деятели, как Кольридж, Боналд, де Местр, Юстус Мозер или Доносо Кортес, они и впрямь сознавали важность спонтанно развивающихся институтов - языка, права морали и обычаев, - предвосхищая в своих теориях, которые могли бы сослужить службу и либералам, современные научные подходы. Однако если консерваторы и восхищаются свободным ростом, то только в применении к минувшему. Им обычно не хватает смелости, чтобы приветствовать такие же незапланированные перемены в настоящем, которые со временем породят новые орудия человеческого прогресса.

Отсюда я перехожу к первому пункту, по которому радикально различаются консервативное и либеральное мировоззрения. Как часто признавали консервативные авторы, одной из основных черт консервативного подхода является боязнь перемен, робкое недоверие к новизне как таковой⁷, в то время как либеральная позиция зиждется на мужестве и уверенности в себе, на готовности ввериться переменам, если даже мы не в силах предсказать, к чему они приведут. Не было бы особого резона возражать консерваторам, если бы они просто недолюбливали слишком быстрые перемены в институтах и государственной политике; здесь и впрямь есть все основания для того, чтобы быть осторожным и действовать, не торопясь. Но консерваторы склонны использовать власть правительства для предотвращения перемен или ограничения их глубины до такого уровня, который бы устроил устроил самый робкий ум. В будущее консерваторы глядят без веры в спонтанно действующие корректирующие силы, меж тем либерала эта вера заставляет оптимистично принимать перемены, даже если он не знает, каким образом осуществится необходимая коррекция. Более того, одной из составных частей либерального мировоззрения является тезис, что саморегулирующие силы рынка, особенно в экономической сфере, каким-то образом добьются необходимой адаптации общества к новой обстановке, хотя никто не в силах предсказать, как им это удастся в каждом конкретном случае. Столь распространенное нежелание людей предоставить рынку свободу действий обусловлено, возможно, прежде всего их неспособностью представить себе, как должное равновесие между спросом и предложением, между экспортом и импортом и т.п. может быть достигнуто без целенаправленного контроля. Консерватор чувствует себя защищенным и удовлетворенным, только получив заверения, что за

⁷ Ср.: "Естественный консерватизм... это характер, питающий отвращение к переменам; отчасти он проистекает из недоверия к неизвестному" (*Cecil H. Conservatism*. [London:] Home University Library, [1912]. P. 9.

переменами следит и надзирает какая-то высшая мудрая сила, только если он знает, что какая-то властная интституция обязана обеспечивать "упорядоченный ход" перемен.

Эта боязнь довериться бесконтрольным общественным силам тесно связана с двумя другими чертами консерватизма: благоговением перед властями и поверхностным пониманием природы экономических факторов. Поскольку консерватизм не доверяет ни абстрактным теориям, ни общим принципам⁸, он не понимает спонтанно действующих факторов, на которые полагается политика свободы, а также не имеет базы для выработки принципов этой политики. В представлении консерватора порядок - это результат постоянного внимания властей. Соответственно, властям нужно развязать руки - пусть делают то, чего требует ситуация, не сковывая себя какими-либо неукоснительными правилами. Верность принципам заранее предполагает понимание природы основных факторов, благодаря которым координируются усилия общества, - но в учении консерватизма подобная теория общества и в особенности экономического механизма, как нарочно, отсутствует. Консерватизм не произвел на свет никакой обобщенной концепции, объясняющей, как сохраняет свою стабильность какой-либо общественный строй; так что современные апологеты консерватизма, пытаясь создать теоретическую базу, неизбежно вынуждены обращаться почти исключительно к авторам, которые считали себя либералами. Маколей, Токвиль, лорд Эктон и Лекки твердо и справедливо считали себя либералами; даже Эдмунд Берк до гробовой

⁸ Ср. саморазоблачительную автохарактеристику консерватора: "Взятые в массе, правые страшатся идей, - не верно ли сказал Дизраэли, что человек практический "возводит в практику грубые ошибки своих предшественников"? В течение долгих периодов своей истории они огульно сопротивлялись всем попыткам усовершенствований; утверждая, что почитают своих предков, они часто сводят свое мнение к ветхим частным предрассудкам. Их позиция становится более защищенной, но и более сложной, если добавить, что правое крыло беспрерывно догоняет левое; что оно живет за счет того, что постоянно прививает себе либеральные идеи, а потому терзается, пребывая в вечно несовершенном состоянии компромисса" (*Feiling K. Sketches in Nineteenth Century Biography. London, 1930. P. 174*).

доски оставался "старым вигом" и содрогнулся бы при мысли, что кто-то причислит его к тори.

Однако позвольте мне вернуться к моей основной мысли - а именно, к характерной снисходительности консерваторов к действиям официальной власти: главная забота консерватора - о том, чтобы эта власть не ослабла, а не о том, чтобы удерживать ее могущество в определенных рамках. Такой подход сложно примирить с заботой о свободе. По-видимому, допустима следующая обобщенная формулировка: консерватор не возражает против принуждения или произвола власти до тех пор, пока эти методы служат целям, которые он считает справедливыми. Если у власти в стране находятся порядочные люди, - считает он, - действия государства не следует слишком уж сковывать строгими правилами. Поскольку по своей природе консерватор - оппортунист, которому недостает принципов, его главная надежда должна состоять в том, что править будут мудрые и праведные - и не просто подавая личный пример обычным гражданам, на должны надеяться все, но и в силу данных им полномочий, путем осуществления этих полномочий на практике⁹. Подобно социалисту, консерватор озабочен не столько тем, как ограничить власть государства, сколько вопросом, кто именно будет находиться у власти; подобно социалисту, консерватор считает себя вправе навязывать свои ценности другим людям.

⁹ Надеюсь, что мне будет простительно повторить здесь мое сделанное по другому случаю высказывание, содержащее немаловажную мысль: "Главное достоинство индивидуализма, который проповедовали [Адам Смит] и его современники, состоит в следующем: это строй, при котором от дурных людей меньше всего вреда. Это общественный строй, для функционирования которого необязательно, чтобы мы нашли порядочных людей для управления страной, необязательно, чтобы все люди стали лучше, чем они есть сейчас; напротив, этот строй заставляет себе служить всех людей во всем их наличном разнообразии и неоднозначности, людей, которые порой бывают порядочными, а порой и дурными, порой умными, а чаще глупыми" (*Hayek F.A. Individualism and Economic Order* [London; Chicago, 1948]. P. 11).

Заявив, что у консерватора нет никаких принципов, я вовсе не имел в виду, будто он не имеет нравственных убеждений. Отнюдь, типичный консерватор - это обычно человек чрезвычайно прочных нравственных убеждений. Я имел в виду, что у него нет политических принципов, которые позволили бы ему в союзе с людьми, чьи нравственные ценности отличаются от его собственных, создать политический режим, при котором все могут жить, в соответствии со своими убеждениями. Только признание такой необходимости допускает сосуществование разных систем ценностей, которое, в свою очередь, делает возможным построение мирного общественного строя с минимальным насилием. Принятие таких политических принципов означает, что мы соглашаемся терпеть многое из неприятного нам лично. Консервативная система ценностей содержит много такого, что мне импонирует больше, чем идеалы социалистов; и все же для либерала приоритетный статус, который он лично присваивает неким целям, еще не служит резонансом заставляя других им служить. Я почти не сомневаюсь, что многие из моих друзей-консерваторов будут шокированы "уступками" (как они это расценят) современным воззрением, на которые я пошел в третьей части данной книги***. Но, хотя я одобряю некоторые связанные с этим меры не более, чем консерваторы, и, возможно, голосовал бы против них, в то же самое время мне неизвестны никакие общие принципы, на основе которых я мог бы убедить моих противников в несоответствии таких мер обобщенному образу общества, к которому стремимся мы все. Чтобы успешно уживаться и сотрудничать с другими, еще недостаточно одной преданности своим личным конкретным целям. Требуется и определенный образ мыслей - приверженность общественному строю того типа, где даже в сферах жизненно-важных для тебя лично другим людям дозволено преследовать иные цели.

Вот по этой-то причине либерал не считает простительной целью принуждения ни нравственные, ни религиозные идеалы, меж тем как консерваторы и социалисты не накладывают таких ограничений. Порой мне кажется, что самой заметной чертой либерализма, равно отличающей его и от консерватизма, и от социализма, является мнение, что в сфере нравственных убеждений и связанных с ними стилей поведения, которые непосредственно не вторгаются в охраняемую законом сферу жизни других людей, принуждение неправомерно. Возможно, это также проясняет, почему раскаявшемуся социалисту легче найти свою новую Мекку в лоне консерватизма, чем в либерализме.

В конечном счете, консервативная позиция основана на представлении, что в любом обществе есть люди более высокого разряда, носители унаследованных принципов и ценностей, которые надлежит бережно сохранять, - и именно эти люди, которые должны иметь наибольший вес в жизни общества. Либерал, разумеется, не отрицает, что одни люди превосходят других - он все же не эгалитарианец, - но отрицает, что кто бы то ни было вправе решать, кто составляет эту категорию. В то время как консерватор склонен защищать конкретную устоявшуюся иерархию и надеется, что власть защитит статус высоко ценимых им лиц, либерал считает, что никакое почтение к традиционным ценностям не может оправдать применения монопольной привилегии или любого другого принуждающего полномочия государства с целью оградить подобных людей от последствий экономических перемен. Хотя либерал вполне осознает важную роль культурной и интеллектуальной элит в развитии цивилизации, он одновременно полагает, что эти элиты должны на деле доказать свою ценность - а именно, суметь сохранить свое положение, подчиняясь общим для всех правилам.

С данным моментом тесно связан и взгляд типичного консерватора на демократию. Выше я ясно дал понять, что власть большинства я считаю не целью, а только средством; осмелюсь заявить, что это, возможно, лишь наименее дурная из форм правления, между которыми нам приходится выбирать. Но, как мне представляется, консерваторы обманываются, возлагая на демократию вину за все ужасы нашей эпохи. Главное зло - это неограниченная власть правительства; никто не вправе пользоваться неограниченной властью¹⁰. Полномочия, которыми наделена современная демократическая власть, в руках некой маленькой элиты были бы вообще невыносимы.

Следует признать, что, только когда власть попала в руки большинства, возникло мнение о нецелесообразности ограничения полномочий государственной власти. В этом смысле демократия и неограниченная власть связаны между собой. Но возражения тут вызывает не демократия, а идея неограниченной власти. Я не вижу, почему бы власть большинства нельзя было бы ограничить теми же рамками, как и любую другую. В любом случае преимущества демократии в обеспечении возможности мирных перемен и политического просвещения настолько превосходят достоинства любого другого строя, что я никак не могу симпатизировать антидемократическому течению в консерватизме. По-моему, основополагающая проблема не в том, кто правит, а в том, что правительство вправе делать.

То обстоятельство, что протесты консерваторов против чрезмерного правительственного контроля - это не дело принципа, а несогласие с конкретными целями правительства, зримо прослеживается в

¹⁰ Ср. слова лорда Эктон: "Опасность не в том, что данное конкретное сословие неспособно править. Любое сословие неспособно править. Закон свободы тяготеет к тому, чтобы отменить власть одной расы над другой, одной веры над другой, одного сословия над другим" (Letters of Lord Acton to Mary Gladstone / Ed. H. Paul. London, 1913. P. 73).

экономической сфере. В области промышленности консерваторы обычно выступают против мер коллективистского и бюрократически-циркулярного толка, и здесь либералы часто находят в них союзников. Но, одновременно, в аграрной сфере консерваторы обычно исповедуют протекционизм и часто поддерживают меры социалистического характера. Более того, хотя существующие в сегодняшней промышленности и торговле ограничения в основном вытекают из социалистических воззрений, в сельском хозяйстве столь же серьезные ограничения были в большинстве своем введены еще раньше - и консерваторами. А в своих усилиях дискредитировать свободное предпринимательство многие ведущие консерваторы могли потягаться с социалистами¹¹.

4. Я уже упоминал о различиях между консерватизмом и либерализмом в чисто мыслительной плоскости, но мне придется к ним вернуться, поскольку взгляды консерваторов в этой сфере - не просто составляют слабость консерватизма, но и опасны для всех тех, кто вступит с ним в союз. Консерваторы инстинктивно чувствуют, что первопричиной перемен является не что иное, как новые идеи. Отсюда вытекает вполне естественная боязнь новых идей - ведь консерватизм, не имея собственных отличительных принципов, ничего не может им противопоставить. Его недоверие к теориям и неспособность, по бедности фантазии, вообразить себе что-либо, кроме уже проверенного практикой, лишает консерватизм всякого оружия, необходимого в идейной борьбе. В отличие от либерализма с его основополагающей верой в дальнобойную мощь идей, консерватизм вынужден ограничиваться набором идей, когда-то в прошлом доставшихся ему по наследству. А поскольку в силу аргументов

¹¹ Дж. Р. Хикс справедливо говорил в этой связи об "одной и той же карикатуре, нарисованной молодым Дизраэли, Марксом и Геббельсом" (*Hicks J.R. The Pursuit of Economic Freedom // What We Defend / Ed. E.F. Jacob [Oxford: Oxford University Press, 1942]. P. 96*). О роли консерваторов в этом контексте см. также мою работу "Introduction to Capitalism and the Historians" (Chicago: University of Chicago Press, 1954. P. 19 ff).

он по-настоящему не верит, его последний довод обычно - утверждения об обладании высшим знанием, основанные на неких самозванных претензиях на исключительность.

Эта разница яснее всего проявляется в разном отношении двух традиций к приумножению знаний. Хотя либерал определенно не считает всякую перемену прогрессом, приумножение знаний он безусловно относит к приоритетным задачам деятельности человечества и полагает, что оно постепенно разрешит все проблемы и трудности, на разрешение которых мы только можем надеяться. Либерал далек от того, чтобы отдавать предпочтение всему новому только за его новизну, - но он сознает, что достижения человечества по определению даруют нам что-то новое; и готов принять новые знания вне зависимости от того, нравятся ли ему их непосредственные последствия.

Если говорить обо мне лично, то самой предосудительной чертой консервативного мировоззрения я считаю его склонность отвергать аргументированно доказанное новое знание из-за того, что консерватору не нравятся некоторые из его внешних последствий. То есть, грубо говоря, обскурантизм. Не стану отрицать, что ученые не меньше других подвержены моде и скоротечным веяниям и что есть все резоны осторожно относиться к выводам, которые они извлекают из своих новейших теорий. Но причины нашей настороженности сами по себе должны быть рациональными; их следует отделять от сожаления по поводу того, что новые теории противоречат любезным нам верованиям. Я лично не терплю тех, кто возражает, например, против теории эволюции или так называемых "механических" объяснений феноменов жизни на том основании, что из этих теорий, на первый взгляд, вытекают определенные последствия морального толка. Еще больше мне претят те, кто считает ненужным или неблагочестивым вообще задаваться определенными

вопросами. Отказываясь смотреть в лицо фактам, консерватор лишь ослабляет свою собственную позицию. Выводы, делаемые рационалистическим сознанием из новых научных открытий, часто вовсе из них не следуют. Но только активно участвуя в выяснении последствий новых открытий, мы узнаем, найдут ли они себе место в нашем мировоззрении, и если да, то какое. Если же окажется, что наши нравственные убеждения вправду зависят от наших представлений, ложность которых отныне доказана, - едва ли будет нравственно отстаивать их, отказываясь признать факты

С недоверием консерваторов ко всему новому и чужому связано их враждебное отношение к интернационализму и склонность к последовательному национализму. В этом тоже залог слабости консерватизма в поединке идей. Консерватизм не в силах изменить того факта, что идеи, изменяющие нашу цивилизацию, не считаются ни с какими границами. Отказаться знакомиться с новыми идеями значит лишить себя возможности успешно опровергнуть их, когда встанет такая необходимость. Развитие идей - процесс интернациональный, и только те, кто в полной мере участвует в дискуссии, смогут оказать на него серьезное влияние. Объявить некую идею "не-американской" или "не-немецкой" - еще не аргумент; да и ложный или порочный идеал не становится лучше оттого, что он родился в голове кого-то из наших соотечественников.

Можно было бы еще много говорить о тесной связи консерватизма с национализмом, но я не буду задерживаться на этом моменте, дабы не возникло впечатления, будто мои личные обстоятельства не позволяют мне симпатизировать любой форме национализма. Я только добавлю, что эта предрасположенность к национализму часто становится связующим звеном между консерватизмом и коллективизмом: если вы воспринимаете промышленность или природные ресурсы как "наши", остается всего один

маленький шаг до призывов поставить это достояние нации на службу национальным интересам. Правда, в этом плане континентальный либерализм, восходящий к Французской революции, оказывается не намного лучше консерватизма. Вряд ли нужно уточнять, что национализм подобного сорта - нечто в корне отличное от патриотизма и что отвращение к национализму вполне совместимо с глубокой привязанностью к национальным традициям. Однако тот факт, что я предпочитаю и благоговейно почитаю некоторые традиции моего общества, не должен влечь за собой враждебного отношения ко всему иному и чужому.

То обстоятельство, что антиинтернационализм консерватизма столь часто уживается с империализмом, кажется парадоксальным лишь на первый взгляд. Чем сильнее человек недолюбливает чужое и превозносит свои собственные обычаи, тем больше он склонен считать, будто пришел в этот мир с миссией "цивилизовать" других¹² [- цивилизовать не в смысле добровольного и беспрепятственного обмена, предпочитаемого либералом, но принеся другим благодать эффективного государства. Симптоматично, что и по этому вопросу, как мы часто наблюдаем, консерваторы заключают союз с социалистами против либералов - и не только в Англии, где супруги Вебб и их Фабианское общество**** были яростными империалистами, или в Германии, где государственный социализм и колониальный социализм шли рука об руку и снискали поддержку одной и той же группы "катедер-социалистов"*****, но и в США, где уже во времена первого Рузвельта было замечено: "Джингоисты"***** и сторонники движения социальных реформаторов, объединившись, сформировали политическую партию, которая грозила захватить в свои руки Государство и воспользоваться им, чтобы осуществить свою

¹² Ср. у Милля: "Я не знаю за каким-либо сообществом людей права цивилизовать другое насильно" (*Mill J.S. On Liberty* / Ed. R.B. McCallum. Oxford, 1946. P. 83).

программу цезарийского патернализма; как представляется теперь, эту опасность удалось предотвратить лишь благодаря тому, что другие партии приняли на вооружение их программу в более умеренной степени и форме"¹³.

5. В одном отношении либерала действительно допустимо поместить посередине между социалистом и консерватором: либерал так же далек от грубого рационализма социалиста (который хочет перестроить все общественные институты по плану, возникшему в его отдельно взятой голове), так и от мистицизма, который столь часто становится последним убежищем консерватора. Позицию, которую я описываю как либеральную, роднит с консерватизмом недоверие к разуму в той мере, в какой либерал отчетливо сознает, что не все ответы нам известны, да к тому же не уверен, что известные ему ответы правильны или что мы вообще в силах найти ответы на все вопросы. Также он не стесняется прибегнуть к помощи любых иррациональных институтов или обычаев, которые доказали свое достоинство. От консерватора либерал отличается готовностью не закрывать глаз на собственное невежество и признать мизерность наших познаний, не ссылаясь в случаях, когда разум бессилен ему помочь, на сверхъестественные источники. Вынужден сознаться, что в каком-то смысле либерал - отъявленный скептик¹⁴, но требуется определенная доля уступчивости, чтобы позволять другим идти к счастью их собственными путями и твердо держаться принципа толерантности, составляющего неотъемлемое свойство либерализма.

¹³ *Burgess J.W.* The Reconciliation of Government with Liberty. N.Y., 1915. P. 380.

¹⁴ Ср.: "Дух Свободы - это дух, который не чересчур уверен в собственной правоте" (*Hand L. The Spirit of Liberty / Ed. I. Dilliard. N.Y., 1952. P. 190*). См. также часто цитируемое высказывание Оливера Кромвеля в его письме к Ассамблее Шотландской Церкви от 3 августа 1650 года: "Умоляю вас, во имя милосердия Христова, предположить, что вы, возможно, ошибаетесь". Симптоматично, что изо всех изречений единственного "диктатора", известного британской истории, именно это глубже всех врезалось в людскую память!

Все это вовсе не означает, что либералу чужда религиозность. В отличие от рационализма Французской революции, подлинный либерализм ничего не имеет против религии; и я могу лишь сожалеть о том, что континентальный либерализм XIX века был во многих случаях пронизан воинствующим, узколобым по своей сути атеизмом. Тот факт, что атеизм не является неотъемлемым элементом либерализма, ясно виден на примере его английских основоположников - "старых вигов", которые, напротив, даже слишком рьяно поддерживали вполне определенную конфессию. Однако, в отличие от консерватора, либерал, как бы глубоко он ни верил сам, никогда не сочтет себя вправе навязывать свою веру другим; духовное и мирское для него - две разные сферы, которые нельзя смешивать.

6. Изложенное мной здесь, вероятно, исчерпывающе объясняет, почему я не считаю себя консерватором. Однако многим наверняка покажется, что обрисованная позиция мало похожа на ту, которую они привыкли называть "либеральной". Следовательно, я должен перейти к вопросу о том, подходит ли в наше время это название для партии свободы. Я уже отметил, что, хотя всю жизнь я называл себя либералом, в последнее время делаю это с растущей неохотой - не только потому, что в США этот термин постоянно порождает недоразумения, но и потому, что все острее осознаю, как широка пропасть между моей позицией и рационалистическим континентальным либерализмом, да и английским либерализмом утилитаристов.

Если бы слово "либерализм" все еще значило то, что оно означало для английского историка, который в 1827 году характеризовал революцию 1688 года как "триумф тех принципов, которые на языке современности именуется либеральными или конституционными"¹⁵, или если бы мы по-

¹⁵ *Hallam H. Constitutional History. Т. III. [London], 1827. P. 90.* Бытует мнение, что термин "либерал" происходит от испанского слова "liberales" - названия партии в Испании начала XIX

прежнему могли, вторя лорду Эктону, называть тремя величайшими либералами Берка, Маколея и Гладстона, или если бы мы по-прежнему могли, выражаясь словами Харольда Ласки, видеть в Токвиле и лорде Эктоне "столпы либерализма XIX века"¹⁶ я счел бы высокой честью возможность именовать себя этим именем. Но как бы для меня ни было соблазнительно назвать их взгляды подлинным либерализмом, я вынужден признать, что большинство континентальных либералов ратовало за идеи, против которых боролись эти люди, и что ими руководило желание скорее навязать миру заранее продуманную рациональную модель, чем создать возможности для свободного роста. Более или менее то же самое произошло в Англии, по крайней мере со времен Ллойд Джорджа, с движением, которое называло себя либерализмом.

Приходится признать, то, что я назвал "либерализмом", не имеет почти ничего общего ни с одним из политических движений, которые носят это название в наше время. Также остается спорным, могут ли исторические ассоциации, связанные с этим названием, способствовать успеху какого бы то ни было политического движения. О том, нужно ли в данных обстоятельствах попытаться реабилитировать этот термин и воспрепятствовать его неправильному употреблению, можно думать по-разному. Я лично все острее чувствую, что пользоваться этим термином,

века. Я скорее склонен предполагать, что его ввел в оборот Адам Смит в таких пассажах, как: "либеральная система свободного экспорта и свободного импорта" (*Smith A. [An inquiry into the nature and causes of the] w[ealth] o[f] n[at]ions. Vol. II [London, 1776]. P. 41*) и: "позволяя каждому человеку добиваться его собственных интересов его собственным способом согласно либеральному плану равенства, свободы и справедливости" (P. 216).

¹⁶ *Letters of Lord Acton to Mary Gladstone / Ed. H. Paul. London, 1913. P. 44.* Ср. также его суждение о Токвиле в "Lectures on the French Revolution" (London, 1910. P. 357): "Токвиль был либералом чистейшей воды - либералом и никем более, с глубокой подозрительностью относившимся к демократии и ее родне - равенству, централизации и утилитаризму", а также в "Nineteenth Century" (1892. Vol. XXXIII. P. 885). Утверждение Х. Дж. Ласки сделано им в работе "Alexis de Tocqueville and Democracy", где он говорит: "на мой взгляд, существуют неопровержимые аргументы в пользу тезиса, что он [Токвиль] и лорд Эктон были столпами либерализма в XIX веке" (*The Social and Political Ideas of Some Representative Thinkers of the Victorian Age / Ed. F.J.C. Hearnshaw. London, 1933. P. 100*).

не сопровождая его пространными объяснениями, - значит порождать путаницу и что как политический ярлык он превратился из движущей силы в балласт.

В США, где слово "либерал" стало уже почти невозможно употреблять в том смысле, в каком я употреблял его выше, оно вытесняется термином "либертарианец". Возможно, это разумно; но мне лично этот термин страшно несимпатичен. Меня коробит искусственность его построения, отдающая чем-то суррогатным. Мне же нужно слово, которое исчерпывающе характеризовало бы партию жизни, партию, поддерживающую свободный рост и спонтанное развитие. Но, тщетно напрягая мозг, я так и не подобрал дескриптивного термина, который бы соответствовал этим требованиям.

7. Давайте, впрочем, вспомним: когда идеалы, которые я пытаюсь провозгласить здесь заново, впервые начали распространяться по западному миру, пропагандировавшая их партия имела общеизвестное название. Именно идеалы английских вигов вдохновили то, что позже получило название либерального движения во всей Европе¹⁷, и породили идеи, увезенные американскими колонистами за океан, подтолкнувшие их к борьбе за независимость и сделавшиеся фундаментом их конституции¹⁸.

¹⁷ Еще в начале XVIII века некий англичанин заметил, что "на его памяти не было, пожалуй, ни одного иностранца, неважно, голландского ли, германского, французского, итальянского или турецкого уроженца, который, обосновавшись в Англии, вскоре не стал бы, покрутившись среди нас, вигом" (цит. по: *Guttridge G.H. English Whiggism and the American Revolution* [Berkeley: University of California Press, 1942]. P. 3).

¹⁸ В США значение термина "виг", характерное для XIX века, к сожалению, изгладило память о том факте, что в XVIII-м оно ассоциировалось с принципами, которые вдохновляли революцию, завоевали для страны независимость и послужили основой Конституции. Именно в обществах вигов сформировались политические идеалы молодых Джеймса Мэдисона и Джона Адамса (ср.: *Burns E.M. James Madison* [New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 1938]. P. 4); именно принципы вигов, по свидетельству Джефферсона, двигали всеми юристами, составлявшими могущественное большинство среди тех, кто подписал Декларацию независимости, а также среди участников Конституционного конвента (см.: *Writings of Thomas Jefferson*. T. XVI [Washington, 1905]. P. 156). Даже солдаты Вашингтона были одеты в форму традиционных вигских цветов - "синюю и цвета буйволовой кожи", - что роднило их,

Более того, пока характер этой традиции не был искажен наслоениями, связанными с Французской революцией, с ее тоталитарно демократическими и социалистическими наклонностями, партия свободы была повсеместно известна именно под именем "виги".

В той стране, где оно родилось, это имя отмерло: отчасти потому, что принципы, с которыми оно ассоциировалось, на некоторое время перестали быть отличительной чертой какой-либо конкретной партии, а отчасти и потому, что люди, носившие это имя, изменили этим принципам. В XIX веке партии вигов и в Британии, и в США в итоге дискредитировали свое имя в среде радикалов. Но в силу того, что, во-первых, либерализм занял место виггизма только после того, как традиция борьбы за свободу вобрала в себя грубый и воинствующий рационализм Французской революции, и, во-вторых, наша главная задача - освободить эту традицию от исказивших ее гиперрационалистических, националистических и социалистических влияний, - в историческом плане слово "виггизм" адекватно выражает мои убеждения. Чем больше я узнаю об эволюции идей, тем сильнее уверяюсь в том, что являюсь просто-напросто неисправимым "старым вигом" - с ударением на "старый".

Исповедаться в принадлежности к "старым вигам", разумеется, еще не значит стремиться вспять, к ситуации конца XVII века. Одна из целей этой книги в том и состоит, чтобы доказать: доктрины, впервые сформулированные в те времена, росли и развивались, вне всякой связи с какой-либо конкретной политической партией, и процесс этот оборвался лишь лет семьдесят-восемьдесят тому назад. За все эти годы мы сильно

например, с вигами партии Фокса (the Foxites) в английском парламенте. До наших дней эти цвета дожили на обложке "Эдинбург-Ревью". Если поколение социалистов сделало виггизм своей любимой мишенью, тем резоннее было бы со стороны противников социализма защитить это имя. На сегодняшний день это единственное слово, адекватно характеризующее убеждения либералов-гладстонианцев, представителей поколения Мэйтленда, Эктона и Брайса, последнее поколение, для которого главной целью была свобода, а не равенство или демократия.

обогатили наши познания и теперь можем заново изложить эти доктрины в более удовлетворительной и эффективной форме. Но, хотя они требуют переработки в свете наших нынешних познаний, их фундаментальные принципы - это по-прежнему принципы "старых вигов". Верно, что позднейшая история партии, носившей это имя, заставила многих историков засомневаться в существовании особого корпуса вигийских принципов; но не могу не согласиться с лордом Эктоном в том, что, хотя некоторые "патриархи доктрины были сквернейшими из людей, то, с чего начался вигизм - понятие о высшем законе, стоящем над муниципальными кодексами, - это величайшее достижение англичан и их дар нации"¹⁹ - и, можем добавить мы, всему миру. Именно эта доктрина лежит в основе традиции общей для англосаксонских стран. Именно из этой доктрины континентальный либерализм почерпнул все то, чем ценен сам. Именно эта доктрина стала основой американского государственного устройства. В своей чистейшей форме она выразилась в США не в радикализме Джефферсона, не в консерватизме Гамильтона или даже Джона Адамса, но в идеях Джеймса Мэдисона, "отца Конституции"²⁰.

Не знаю, будет ли возрождение старого имени полезно с точки зрения практической политики. Тот факт, что сегодня для большинства людей как в англосаксонском мире, так и за его пределами этот термин наверняка не ассоциируется ни с чем конкретным - скорее преимущество, чем недостаток. Для тех же, кто знаком с историей идей, "виги" - наверняка единственное имя, отчетливо выражающее суть традиции. То, что и для

¹⁹ *Acton, lord. Lectures on Modern History. London, 1906. P. 218* (я переставил предложения в периоде Эктона, чтобы более лаконично воспроизвести смысл).

²⁰ Ср. слова С.К. Падовера в его кн. "Introduction to The Complete Madison" (N.Y., 1953. P. 10): "На языке нашего времени Мэдисон был бы охарактеризован как "либерал-центрист", а Джефферсон как "радикал"". Верная и очень важная мысль, хотя не стоит забывать о том, что Э.С. Корвин назвал позднейшей "капитуляцией Мэдисона перед непреодолимым влиянием Джефферсона" (*Corwin E.S. James Madison: Layman, Publicist, and Exegete // New York University Law Review* [1952]. Vol. XXVII. P. 285).

подлинного консерватора и тем более для множества консерваторов с социалистическим прошлым слово "виггизм" служит обозначением их главной идеосинкразии, свидетельствует о здравости их бессознательных рефлексов. Это имя носила единственная система идеалов, которая неуклонно противостояла всякой деспотической власти.

8. Тут может возникнуть резонный вопрос: а так ли важно название?. В стране типа США, где по прежнему, в основном сохранились свободные институты и где, соответственно, защита существующего порядка вещей часто является защитой свободы, ее поборники запросто могут называть себя консерваторами, но и здесь приверженность к консервативным ценностям, по определению, вызывает большие сомнения. Даже когда люди одобряют одни и те же установления, следует спросить, почему они их одобряют - потому, что эти порядки существуют как данность, или потому, что они по своей природе, соответствуют их желаниям? Общее сопротивление коллективистским веяниям не должно затемнять того факта, что вера в свободу основана на устремленности в будущее, а отнюдь не на ностальгической тоске по прошлому или на романтическом восхищении перед тем, что ушло.

Тем более это четкое разграничение необходимо там, где, как, например, во -во многих регионах Европы, консерваторы уже приняли значительную часть коллективистского кредо, которое столь долгое время было у власти, что многие созданные им институты стали восприниматься как данность и сделались источником гордости для "консервативных" партий, которые стоят у их истоков²¹. Здесь сторонник свободы поневоле вынужден

²¹ Ср. изложение политической платформы Консервативной партии Великобритании, где весьма обоснованно утверждается, что "эта новая концепция [системы социального обеспечения] была разработана Коалиционным Правительством, где большинство составляли министры-консерваторы, и единодушно одобрена консервативным большинством в Палате Общин... [Мы] излагаем принципы пенсионного обеспечения, пособий по болезни и

разойтись с консерватором и занять радикальную в своей основе позицию, направленную против широко распространенных предрассудков, стойких мнений и прочно укорененных привилегий. Безумства и злоупотребления не становятся лучше от того, что они уже давно признаны основанием общественного устройства.

Для государственного деятеля девиз "Quieta non movere" [не буди лиха, пока оно тихо] порой бывает мудрым советом, но политического философа он удовлетворять не может. Возможно, философ и желает, чтобы политические решения осуществлялись с осмотрительностью и не прежде, чем общественное мнение будет готово их воспринять, - но он не может смириться с существующими порядками только на том основании, что общественное мнение их в данный момент санкционирует. В мире, который вновь - как и в начале XIX века - нуждается прежде всего в высвобождении процесса свободного роста из-под гнета препятствий и затруднений, нагроможденных людским безумием, главная надежда философа состоит в том, чтобы переубедить тех, кто по своему характеру принадлежит к "прогрессистам", и заручиться их поддержкой. Пусть эти люди сейчас стремятся к переменам в неверном направлении, но они хотя бы готовы критически взглянуть на существующее и изменить его, там где это необходимо.

Надеюсь, что я не ввел читателя в заблуждение, порой подразумевая под словом "партия" группу людей, отстаивающих систему интеллектуальных и нравственных принципов. Политика партий в какой-либо стране не относится к темам, затронутым в этой книге. Вопрос о том, как превратить принципы, которые я пытался реконструировать из разрозненных осколков некой традиции, в привлекательную для широких масс программу,

безработице, пособий по актам несправедливости в промышленности и государственной системе здравоохранения" (The Right Road for Britain. London, 1950. P. 41-42).

политический философ должен препоручить "этому коварному и ловкому животному, в просторечьи называемом государственным деятелем или политиком, чьи предложения направляются сиюминутными колебаниями положения дел"²². Задача политического философа может состоять только в том, чтобы влиять на общественное мнение, а не организовывать людей для практических действий. Он выполнит ее эффективно лишь в том случае, если, не интересуясь тем, что осуществимо в данной политической обстановке, станет неуклонно защищать "общие принципы, которые всегда неизменны"²³. В этом смысле я сомневаюсь, возможна ли вообще консервативная политическая философия. Как практический подход консерватизм часто бывает полезен, но из него мы не можем почерпнуть никаких руководящих принципов, которые могли бы повлиять на долгосрочное развитие.

Перевод С. Силаковой

Примечания переводчика

* Перевод выполнен по изд.: *Hayek F.A. The Constitution of Liberty*. Chicago: The University of Chicago Press, 1960 (= <http://hem.passagen.se/nicb/cons.htm>).

** Речь идет о "маккартизме" - кампании по преследованию людей, подозревавшихся в сочувствии коммунизму, которая возглавлялась сенатором Ю. Маккарти.

*** В третьей части "Конституции свободы" речь идет о тех элементах государственного регулирования, которые Хайек считал в принципе совместимыми с либерализмом в области социального страхования,

²² *Smith A.* Op. cit. Vol. I. P. 432.

²³ *Ibid.*

налогообложения, городского планирования, образования и сохранения природных ресурсов.

**** Фабианское общество - основанная в 1884 г. английская политическая социал-реформистская организация, проповедовавшая постепенный переход к социализму путем частичных реформ и вошедшая в лейбористскую партию на правах коллективного члена.

***** Катедер-социализм ("социализм с кафедры") - немецкое политическое движение, возникшее в 60-е годы XIX века и проповедовавшее мирное вращение капитализма в социализм путем реформ.

***** Джингоист - сторонник агрессивной ближневосточной политики Дизраэли. В переносном смысле - шовинист, ура-патриот.